

Глава первая

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ — «СЭЦУГОАН»

«Сэцугоан» — поистине уединенная обитель — находилась на изрытом природой холме, неподалеку от реки Коисигавы, и счастливо избежала разрушений во время войны. Изукрашенные каменные ворота, перенесенные от какого-то известного храма Киото вместе со знаменитым садом Кобори Энсю¹ площадью три тысячи цубо², и парадный вход, и зал для приема, которые переместили сюда в исконном виде из древнего храма в Наре³, и построенный позже Большой зал — ничего не пострадало.

После войны, в разгар шума вокруг налога на имущество, обитель «Сэцугоан» из рук первоначального владельца, чудаковатого предпринимателя, перешла в руки энергич-

¹ *Кобори Энсю* (1579–1647) — мастер чайной церемонии, создавший собственный стиль чайного действия. — *Здесь и далее примеч. перев.*

² *Цубо* — традиционная мера площади, равная 3,3 кв. м.

³ *Нара* — древняя столица Японии (VIII век).

ной, красивой хозяйки и мгновенно превратилась в модный ресторан.

Хозяйку звали Фукудзава Кадзу. Ее пышная, соблазнительная фигура таила в себе прелесть сельской природы, кипучую силу и страсть. Человек со сложными движениями души стеснялся показать Кадзу собственную сложность, человек со слабым темпераментом, глядя на эту женщину, не понимал: вдохновляет она его или же подавляет. Волей небес наделенная мужской решительностью и по-женски нерасчетливым темпераментом, она могла пойти значительно дальше мужчины.

При легком характере Кадзу ее нестигаемое «я» было облечено в простую, красивую форму. С юности она предпочитала любить сама, нежели быть любимой. Прелестная сельская наивность скрывала некие попытки навязать свое мнение, а всякие злостные намерения окружавших ее людей воспитали беспрельдно открытую душу.

У Кадзу давно в друзьях ходили мужчины, с которыми она не состояла в любовных отношениях. Закулисный политик Консервативной партии Нагаяма Гэнки был скорее новым другом, он любил Кадзу, которая была моложе его на целых двадцать лет, как младшую сестру.

После банкета

— Она редкая, потрясающая женщина, — всегда говорил он. — Она способна на великие свершения. Скажите ей: «Встряхни Японию!» — она и это сможет сделать. Черты, которые у мужчин считаются безрассудными, у женщин чаще называют проявлением кипучей деятельности. Если появится мужчина, который вызовет у нее подлинную страсть, — вот тогда эта женщина взорвется.

Кадзу, услышав от кого-то сказанные Гэнки слова, не огорчилась, но, встретившись с ним лицом к лицу, заметила:

— Вы, господин Нагаяма, не можете вызвать у меня страсть. Даже если самоуверенно пойдете в атаку, со мной у вас ничего не получится. Человека вы разглядеть способны, но ухаживать не умеете.

— Я и не собирался за тобой ухаживать. Начни я за тобой ухаживать, мне конец, — язвительно отозвался старый политик.

По мере того как ресторан «Сэцугоан» становился модным заведением, росли и расходы на содержание огромного сада. Прямо на юг от кабинетов банкетного зала находился пруд Тацуми — в застольях, связанных с любованием луной, он становился важным элементом садового пейзажа. Двор окружали старые величественные деревья, какие редко увидишь в Токио. Торжественно возносили

свои вершины сосны, каштаны, железное дерево, каштанник, меж ними проглядывало голубое небо, не испорченное ликами городской архитектуры. На широко раскинувшихся ветвях сосен надолго поселилась пара коршунов. Множество разных птиц порой навещало этот сад, и в сезон расставаний и перелетов тут стоял ни с чем не сравнимый, невообразимый гомон пернатых, слетавшихся на обширные газоны клевать букашек и плоды павловнии.

Каждое утро Кадзу обходила сад и делала садовнику замечания по поводу ухода. Одни были нужными, другие — бесполезными. Просто давать эти советы стало частью планов на день и составляющей прекрасного настроения. Потому опытный садовник не противился и не возражал.

Вот Кадзу обходит сад. Это своего рода абсолютное наслаждение полным одиночеством, случай погрузиться в размышления. Целый день она, почти не переставая, разговаривает, поет, не остается одна, и, хотя она и привыкла принимать гостей, это утомляет. А утренняя прогулка свидетельствует о спокойствии души, в которой уже не возникает желания отдаться страсти.

«Любовь больше не нарушит мою жизнь». Кадзу упивалась убежденностью в этом, гля-

После банкета

дя, как торжествующий солнечный свет струится меж окутанными дымкой деревьями, заставляя чудно сверкать зеленый мох на дорожке. Прошло немало времени с тех пор, как она рассталась со страстями. И последняя любовь теперь — далекое воспоминание, и сама она обрела твердую уверенность в том, что ей не грозят опасные чувства.

Эти утренние прогулки наполняла поэзия, лиричность. Кадзу разменяла шестой десяток, но, наблюдая картину, где ухоженная женщина, сохранившая прекрасную кожу и сияющий взгляд, бесцельно бродит утром по огромному саду, любой, несомненно, будет поражен в самое сердце и станет ждать некоего повествования. Однако сама Кадзу лучше других знала, что история закончена, поэзия мертва. Конечно, она чувствовала в себе недюжинную силу. И в то же время понимала, что теперь эта сила сгибает, управляет ею и что пути ее не сбросить и не убежать.

Великолепный сад и недвижимость, банковские вклады и ценные бумаги, всеильные и великодушные клиенты из политических и финансовых кругов и их деятельность обеспечивали ее старость. Достигнув такого положения, можно не беспокоиться о том, что тебя ненавидят или о тебе судачат за спиной. Прочно укоренившись в этом обществе, всеми уважаемая, она, полностью посвятив себя

утонченным хобби, постепенно подготовит преемника, сможет комфортно провести остаток жизни в путешествиях и отовсюду станет рассылать поздравления и подарки знакомым.

С такими мыслями Кадзу, найдя скамью из тех, что располагались вблизи садовых ворот, и устремила взгляд на зеленый мох в глубине сада, у чайного домика. Она смотрела на поток лучей утреннего солнца и спустившуюся на землю птицу.

Тут совсем не слышно автомобильных клаксонов и грохота электричек. Мир застывает картиной на свитке.

Почему некогда ярко полыхавшие чувства бесследно исчезают? Кадзу не понимала причин. Не понимала, куда уходит то, что наполняло все существо. Общепринятое мнение, что человек достигает зрелости, обретая разнообразный опыт, не находило отклика в ее душе. По ее мнению, человек — подземная сточная канава, куда просто стекает все; он лишь мощенная булыжником мостовая на перекрестке, где машины оставили следы колес. Гниют отбросы в сточных канавах, стираются камни мостовой. Но ведь и тут шумел однажды праздничный перекресток.

Кадзу давно перестала совершать безрасудные поступки. Все в ней, как вид этого утреннего сада, было прозрачно, все имело

После банкета

ясные контуры, в ее мире не существовало неопределенностей. Казалось, она проникает в любые тайные помыслы. И что странно, это не все. Услышав, что человек ради выгоды обманул друга, Кадзу полагала это естественным. Узнав, что кто-то, увлекшись женщиной, потерпел неудачу в делах, считала это вполне обычным. Она была уверена, что подобное ее не коснется.

Если люди обращались к ней за советом по поводу любовной интрижки или отношений, Кадзу сразу давала ценные указания. Психологию человека она аккуратно распределяла по десяткам ячеек, ответ на любой трудный вопрос исходил из совокупности чувств. Ничего сложнее в человеческой жизни не было. Все это — ограниченное число правил, ходов, сохраняющих баланс в начале шахматной партии, и Кадзу, как знаменитый шахматист на покое, могла любому дать дельное доброе наставление. Поэтому, само собой разумеется, она презирала понятие «время». Сколько бы человек ни гнался за модой, разве может он избежать издавна существующих законов чувств?

— Что делают сейчас молодые люди? — часто говорила Кадзу. — Они всего лишь носят другую одежду, но внутренне совсем не изменились по сравнению с прежними поколениями. И по ошибке считают опыт, новый

для себя, новым для всех. Каким бы безрассудным такой опыт ни был, он такой же, как прежде. Изменился просто оценивающий взгляд общества, да и безрассудство стало шире и заметнее.

По существу прозаичная и банальная, эта точка зрения в устах Кадзу звучала внушительно.

Сидя на скамье, Кадзу наслаждалась сигаретой, которую достала из кармана в рукаве кимоно. Дымок, плывущий в утреннем воздухе, в безветренный день стелился глянцевыми шелковистыми струями. Вкус подкреплял уверенность в спокойной жизни, совершенно незнакомую женщинам, обремененным семьями. Сколько бы лишнего ни было выпито накануне, здоровый организм Кадзу никогда не воспринимал сигарету как невкусную.

Отсюда сад было не охватить взглядом целиком, но он весь жил в душе Кадзу, каждый его уголок был как на ладони. Центр сада — огромный, в темной зелени каменный дуб, скопление его облитых светом плотных небольших листьев, амурский виноград, обвивший деревья на северном склоне горы. Из кабинетов открывался вид на широкую полосу газона и скромные каменные фонари у фасада, на заросли низкорослого бамбука на островке Наканосима со старой пяти-

После банкета

ярусной башней. Самое крошечное растение, самый крошечный цветочек в саду жили не случайно.

Пока Кадзу курила, сад со всеми его деталями, казалось, полностью завладел ее воспоминаниями. Сейчас она воспринимала людей и общество как этот сад. И не просто воспринимала. Кадзу ими владела.

Глава вторая

ВСТРЕЧА ЧЛЕНОВ ОБЩЕСТВА «КАГЭН»

Сообщение о том, что очередную встречу членов общества «Кагэн»¹ с этого года он хотел бы проводить здесь, Кадзу получила от одного из министров. Общество объединяло тех, кто некогда плюс-минус одновременно служил послами. Встреча проходила раз в год седьмого ноября, но до сих пор не удавалось найти подходящего места, поэтому министр, будучи не в состоянии мириться с этим, изложил свою точку зрения.

— Все участники утонченные, удалившиеся на покой господа, — сказал министр. — Только один все никак не отойдет от дел. Ты, верно, знаешь: старина Ногутти прославился тем, что несколько раз занимал пост министра. Он недавно входил в число членов палаты представителей в парламенте почему-

¹ *Кагэн* — традиционный музыкальный струнный инструмент типа японского *кото*; здесь в значении собственного имени.

После банкета

то от Партии новаторов, но на следующих выборах не прошел.

Этот разговор с Кадзу состоялся в саду, в разгар приема, который и устраивал министр, поэтому она не могла спокойно уточнить подробности. Сад в «Сэцугоан» наполнила толпа иностранцев, которые, в отличие от всегдашних стаяк пичужек, слетелись сюда стаяй крупных галдящих красочных птиц.

По мере того как приближалось седьмое ноября, Кадзу все напряженнее размышляла. Таким гостям нужно обязательно выказать уважение. Сейчас преуспевающие люди чаще находят удовольствие в нескромных шутках и излишней фамильярности, но гордость тех, кто прежде блистал в свете, а теперь ведет уединенную жизнь, такие шутки могут уязвить. Ограничить для пожилых персон число слушателей. Развлечь их легкой беседой — это создаст иллюзию, что здесь расцветает их прежнее могущество.

Меню в ресторане «Сэцугоан» в тот день было следующим:

СУП

Трюфели, тофу *гомадофу*,
апельсиновый уксус *дайдайдзу*, белая паста *мисо*.

САСИМИ

Каракатица соломкой, корень лазурника,
апельсиновый уксус *дайдайдзу*.

Юкио Мисима

ГОРШОЧЕК

Речная форель, ракушки *анадара*, зеленый перец, апельсиновый уксус *дайдайдзу*, бульон *даси*.

ПОДНОС С ЗАКУСКАМИ

Дрозды, жаренные под соусом на гриле, лангуст, морской гребешок, маринованная репа *сэммайдзукэ*, молодые почки-бутоны солодки.

ОТВАРНЫЕ КУШАНЯ

Утка, ростки бамбука, желеобразный тофу со сладкой подливой.

Гриль *хатидзакана* — рыба — две колюшки, кафельник, жаренный в соли, апельсиновый уксус *дайдайдзу*.

ПИАЛА

Ростки папоротника, рисовые лепешки с просом *авамоти*, маринованная слива *умэбоси*.

Кадзу надела кимоно фиолетово-серого цвета. Ткань пояса *оби*, с ромбами хризантем на пурпурном фоне, напоминала покров буддийского алтаря, пряжку поддерживающего пояс шнура украшала крупная черная жемчужина. Кадзу выбрала этот наряд, чтобы подчеркнуть достоинства пышной фигуры.

День выдался теплым и солнечным, в сумерках, как раз перед восходом луны, появились прежний министр иностранных дел Ногуты Юкэн и бывший посол в Германии Тамаки Хисатомо. Рядом с Тамаки, обладавшим прекрасной фигурой, Ногуты выглядел

После банкета

худым и несколько потертым. Однако на фоне подернутых серебром волос прозрачным казался его взгляд, и по сиянию глаз, выдававшему упрямого идеалиста, Кадзу поняла, что среди постепенно собиравшихся бывших послов в Европе он единственный не ушел на покой.

Гости оживленно общались, но темы беседы касались в основном прошлого. Самым разговорчивым оказался Тамаки.

Банкет проходил в центральном кабинете банкетного зала. Тамаки прислонился к столбу между старинной формы арочным окном в черной лаковой раме и раздвижными стенами, расписанными прекрасными картинами. На них сочными красками были изображены пара павлинов и белые пионы на фоне пейзажа в стиле южной школы китайской живописи; рисунки свидетельствовали о необычном смешении вкусов прежних владельцев-феодалов.

Тамаки был в костюме от лондонского портного, из кармана жилета, что теперь редко увидишь, свисала золотая цепочка карманных часов. Явно подарок его отцу, бывшему послу в Германии, от кайзера Вильгельма II. В Германии даже во времена Гитлера эти часы ценились очень высоко.

Импозантный, красноречивый Тамаки, дипломат из аристократов, гордился тем, что

хорошо знает жизнь народа, но сейчас его интересы лежали вне современности. В памяти сохранилось лишь сияние люстр, освещавших приемы, на которые некогда собирали по пятьсот, а то и по тысяче гостей.

— Да, каждый раз, как вспомню, просто мороз по коже. Вот уж поистине занятная история, — вальяжным тоном, будто желая испортить всем настроение, начал Тамаки. — В Берлине, после того как я стал послом, мне сказали, чтобы я не ездил на метро. Советник Мацуяма буквально силой затаскивал меня туда. С конца поезда это был второй... нет, третий вагон. Мы зашли, стоим где-то в гуще народа. Я посмотрел вперед и вижу — Геринг!

Здесь Тамаки, несомненно, ожидал реакции слушателей, но все неоднократно слышали эту историю, и реакции не последовало. Кадзу взяла на себя роль заинтересованного слушателя и высказалась:

— А, в то время это была известная личность. Как Като Киёмаса¹ для Японии. И он ездил на метро?

— Да, Геринг тогда был в зените славы. А тут — в поношенной рабочей одежде едет на метро, приобняв хорошенькую девушку

¹ *Като Киёмаса* (1562–1611) — полководец, государственный деятель, приемный сын объединителя Японии Тоётоми Хидэёси.